Прошло уже три года с тех пор, как Рук был назначен главой семьи, но меня все еще доводили до ручки.

— Ты станешь посмешищем, если поступишь в академию в таком состоянии, — сказал мне пожилой седовласый мужчина, когда я в изнеможении лежал на деревянном полу додзё.

За последние три года я провел с ним много времени. Его звали Сойм Хао, и он был рыцарем, недавно вышедшим на пенсию. В молодости он был важным участником экспедиций.

Сойм воспитал и обучил своего единственного сына, но тот давно погиб на поле боя, оставив после себя сына. К тому времени внук Сойма был уже достаточно взрослым, чтобы возглавить семью, но и он недавно скончался вместе с Гоком.

Соим был одним из тех, кого Сацуки попросила помочь с моим образованием после того случая. Видимо, он доверил управление своими владениями кому-то другому, а поскольку его правнук был на пять лет младше меня, то в противном случае он проводил бы дни в безделье. Теперь же он заполнял свое время тем, что избивал меня палками и обездвиживал различными захватами.

Это устраивало всех, кроме меня.

Сойму было более девяноста лет. Несмотря на возраст, мышцы, скрытые под его морщинистой кожей, с годами становились все более утонченными, хотя время их ослабило. Эти мышцы в сочетании с отточенными приемами делали его исключительно сильным противником.

Поднявшись, я снова потянулся за своим деревянным копьем. Это был обычный деревянный стержень, наконечник которого был выкрашен в ярко-красный цвет, чтобы изобразить лезвие. Оно предназначалось для детских тренировок.

Сойм держал в руках другой деревянный прут, но он был обернут соломой и покрыт шкурой животного. Он старался не поранить меня своими ударами, но даже полностью полый бамбуковый меч мог ранить кого-нибудь. Несмотря на все подкладки, бить им все равно было больно.

Я снова поднялся на ноги. Сойм держал свой посох обеими руками.

— Иди ко мне, когда будешь готов, — приказал он.

Я набросился на него, нанося удары и отмахиваясь, а затем отступая. Не сдерживаясь, я обрушил на него серию ударов, но он уклонялся или парировал каждый из них.

Когда я уже почти запыхался, он парировал один из моих ударов и тут же нанес следующий - с размаху. Мои ноги подкосились, и я неуклюже рухнул на землю. Я ударился о землю рукой - я

использовал этот прием, чтобы прервать свое падение, - так что я остался невредим.

Проклятье.

Понятно, что детское тело не сравнится с телом взрослого, но я все равно чувствовал, что его техника намного превосходит мою. Даже после упорных тренировок в течение трех лет я все равно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Это было неплохо, но ты должен научиться отступать. Вот что бывает, когда ты теряешь выносливость, но не отступаешь, — наставлял меня Сойм.

— Ты бы все равно меня достал.

— Хех... Как бы то ни было, вы всегда будете проигрывать, молодой господин, ведь между нами такая большая разница в возможностях. Но вы должны подумать: если бы это было поле боя, то, отступив и продержавшись чуть дольше, вы могли бы дать возможность кому-нибудь из солдат прийти вам на помощь и напасть на меня. Но если бы ты упал на землю из-за безрассудного нападения, у тебя не было бы ни единого шанса.

Почему-то этому старику нравилось называть меня молодым господином. Я находил это очень неловким. В любом случае, то, что он говорил, было правдой, поэтому я не мог спорить.

— Вы правы.

Я взял себя в руки и снова поднялся на ноги. Я уже перевел дыхание.

— Подходи ко мне, когда будешь готов.

У рыцарей Шанти была странная привязанность к копьям. В основном они тренировались с копьями, которые были длиной с их тело, но это было не все, чему они учились. Копья могли быть громоздкими, и ни один здравомыслящий человек не стал бы носить их с собой в течение дня или во время работы в помещении, поэтому они обычно носили с собой и кинжалы. Подобно тому, как воины японского периода Эдо обычно носили с собой какое-либо оружие, рыцари здесь всегда носили с собой кинжал, когда отправлялись в поход.

Рыцари также использовали множество видов копьевидного оружия. Например, те, которым больше нравилось отмахиваться, а не наносить удары, могли использовать нечто, напоминающее шестопер с изогнутым лезвием.

Основы ближнего боя Шанти состояли из трех различных дисциплин: искусства копья (включая технику короткого копья), искусства меча (включая технику кинжала) и рукопашных единоборств. Кроме того, существовали искусства владения луком и верховой езды для тех, кто ездил на птицах.

— Ха! Ха! — нарочито громко крикнул я, уворачиваясь от каждой атаки Сойма, направленной на меня его копьем.

Теперь в моей руке был деревянный кинжал, и я отступал в последний момент, когда он наносил удар по моим ногам, или поворачивал свое тело, когда он наносил удар по моему лицу. Каким-то образом мне удавалось уклоняться от каждой атаки.

Я оставался в пределах досягаемости его копья, что позволяло уклоняться, отступая назад, поэтому уклоняться от каждой атаки по мере ее поступления было довольно легко.

Он также, казалось, замедлил свое приближение, чтобы соответствовать моей скорости, и не приближался.

Я поднял кинжал, зажав рукоять в одной руке. Когда копье метнулось в мою сторону, едва не промахнувшись мимо груди, я схватил древко свободной рукой.

Копьеносцы ненавидели, когда противник ловил их древко. Даже если владелец пытался стряхнуть его с себя, человеческая рука могла приложить больше усилий для вытягивания, чем для толкания, так что освободиться было нелегко. Это означало, что противник мог подобраться поближе и ударить копьеносца, пока тот боролся, а это был обычный способ умереть, несмотря на очевидное преимущество.

Я был настолько слаб, что не смог бы долго удерживать хватку. Потянув за копье и используя его для движения вперед, я использовал его атаку как шанс подобраться ближе. Не теряя темпа, я взмахнул кинжалом, целясь в рукоять копья.

Сойм уже убрал руку с рукояти копья, оставив меня без цели. Свободным кулаком он прицелился в мою руку.

Когда Сойм нанес первый удар по тыльной стороне моей ладони, по всей руке пробежала дрожь. Он сильно ударил меня, и я застыл на месте. Воспользовавшись случаем, он нанес мне мягкий удар ногой в живот, отчего я упал на спину. Как раз в тот момент, когда я упал, он направил копье в мою сторону, прижав его наконечник к моему животу. Я был явно побежден.

После спарринга мы вместе пробежали круг вокруг поместья в качестве разминки. Дневная тренировка закончилась, и я весь обливался потом.

— Увидимся завтра на тренировке. Хорошо отдохните до этого времени.

— Спасибо.

После обеда я должен был получить урок у Сацуки.

*****

— Слушай меня, — выругался учитель и потрепал меня по голове.

— Ай!

Я проснулся от неожиданности. О, черт, я был полусонный.

— Ты заснул, да?

— Э... Да.

— Это действительно так скучно?

Моя учительница, Сацуки, выглядела недовольной.

Конечно, скучно. Не могу поверить, что они ожидают от меня этого урока после интенсивной тренировки и еды. Как я могу не заснуть? Бессердечно даже просить меня об этом.

— Нет, я постараюсь.

— А теперь запомни "фонарь какикаки зимний снег".

Что?

— А?

— Я только что объяснила. Так спрягается глагол, когда субъектом является бабушка.

В данном случае "бабушка" - это лингвистический термин, обозначающий пожилых женщин.

— Ты же помнишь, как это меняется в зависимости от того, кто является объектом: дедушка, мужчина, предмет, земля, королевская власть, бабушка или женщина?

— Э... Что?

Когда на меня обрушился этот ворох информации, я почувствовал, что мое сознание снова начинает ускользать.

Сацуки была полна решимости научить меня древнему шанишнскому, и каждый раз это происходило следующим образом.

— Далее следует глагол "фонарь какикаки зимний снег". И для молодых, и для старых женщин "снег" остается одинаковым в обоих случаях, так что тебе меньше придется запоминать.

Э-э-э... Одной вещью меньше из семи - это ведь не намного легче, правда?

Я все еще боролся с идеей глаголов, которые меняются в зависимости от объекта.

Конечно, в японском и английском языках глаголы тоже меняли форму. Обычно глаголы спрягаются в зависимости от субъекта и времени, но я никогда не знал, чтобы глагол менялся в зависимости от того, был ли объект стариком или женщиной.

Для такого языка потребовалось бы абсурдно большое количество отклонений глаголов - он должен был быть слишком нелепым, чтобы существовать. Но, хотите верьте, хотите нет, этот язык был именно таким. О, и глаголы менялись не только в зависимости от субъекта и объекта - они менялись и в зависимости от уровня вежливости, что создавало еще одно осложнение.

Может быть, странный мир, где глаголы способны свести всех с ума, на самом деле является мирной цивилизацией - местом, где все придерживаются прилагательных для выражения своих повседневных мыслей. Но, насколько я понимал, это был мир психологического ужаса, не ограниченный правилами рациональности.

Мой мозг, ограниченный ничтожным здравым смыслом, никак не мог придумать такой язык.

Нет нужды говорить о том, что никогда не было времени или места, где люди действительно говорили на этом языке. Даже в эпоху расцвета империи он использовался только в письменном виде. Несомненно, у тогдашней интеллигенции было слишком много свободного времени, и они использовали его, чтобы превратить язык в нелепую кашу.

— Зачем я это учу? — задался я вопросом, повторяя тот же вопрос, который задавал уже бесчисленное количество раз.

— Тебе нужно знать его, чтобы читать старые тексты.

Сацуки ответила так же, как и всегда.

— Хм... А это поможет мне использовать магию или что-то в этом роде?

— Что? Откуда ты взяла эту чушь?

— Просто решил спросить… — вздохнул я про себя. Я был бы готов приложить некоторые реальные усилия, если бы это позволило мне использовать магию.

— Я не понимаю, почему ты так ненавидишь классические тексты, Юри. Это же просто заучивание, ничем не отличающееся от истории… — хмуро сказала Сацуки.

Это совсем не похоже на историю.

Я вообще не видел причин учить его. Если бы Рук был археологом и надеялся, что я пойду по его стопам, тогда я бы понял необходимость чтения Древнего Шаниша. Археолог, очевидно, должен был бы читать древние тексты. Но у меня не было такого интереса к старым текстам, а значит, и необходимости. До сих пор не было ни одного человека, который бы использовал этот странный язык в речи или письме.

— Слушай, ты никогда не сможешь назвать себя культурным человеком, пока не научишься читать на древнем шанише. Почему бы не записать это и не запомнить?

Впервые за долгое время я вспомнил, каково это - быть маленьким ребенком, который предпочитает заниматься чем угодно, только не учебой.

http://tl.rulate.ru/book/36321/3552487